

Эти дни Линь Эр становился всё мрачнее.

В тот день, едва закончив обедать, он принялся метать громы и молнии: Один только и знает, что есть да спать! Другой ни на что не годен, разве что пузо отращивать! Полагал, что нашел помощника, а в итоге непонятно, то ли это он тофу мелет, то ли тофу перемалывает его! Расходы растут день ото дня! Так дальше жить нельзя!

За обеденным столом воцарилась тишина, никто не осмеливался вставить хоть слово.

После полудня, уложив Тун Цюаня спать, Линь Нанься выкроила время, чтобы сходить к соседке, невестке Ло, и поучить Сяо Лю грамоте.

Линь Эр позвал Инь Цюаня: Умеешь писать?

Инь Цюань кивнул.

Линь Эр поманил его рукой: Заходи.

Инь Цюань спросил: Сегодня вечером на рынок не пойдешь?

Линь Эр покачал головой: Есть дела.

Он достал из-под кровати глиняный горшок, поддел крышку и вывалил все содержимое — серебро — наружу, после чего скомандовал Инь Цюаню: Я считаю, ты записывай.

Инь Цюань взял кисть и кивнул.

Линь Эр тщательно пересчитал монеты, а затем, глядя на цифры, выведенные в блокноте Инь Цюаня, нахмурился.

Спустя некоторое время Линь Эр с силой хлопнул ладонью по столу.

Инь Цюань от неожиданности вздрогнул, опрокинул стоявший на столе ручной жернов, и чернила брызнули прямо на полы его белой рубахи. Линь Эр увидел, как Инь Цюань стрелой выскочил из дома и превратился в лису, прыгнув в ведро с водой, стоявшее во дворе.

Пятна чернил на груди расплылись в воде. Инь Цюань сменил воду в ведре и снова погрузился в неё.

Линь Эр стоял у порога и наблюдал за его суетой. Внезапно он прыснул со смеху, подошел ближе и, увидев, что вода стала чистой, а следов чернил на груди у Инь Цюаня больше не

осталось, со смехом вытащил его наружу: Всё, хватит, достаточно белизны!

Инь Цюань встал на землю и стряхнул воду с шерсти.

Линь Эр вздохнул и, к удивлению, довольно мягко потрепал Инь Цюаня по голове.

Он был искренне обеспокоен: что же делать, если всё пойдет так и дальше? Однако отпустить Инь Цюаня с компанией он тоже не мог — жалко было до жути.

Ночью Линь Эр лежал на кровати.

Снаружи стояла сырость, казалось, вот-вот пойдет дождь.

У Линь Эра была застарелая болезнь, нажитая за годы ношения коромысла, и в дождливую погоду плечи начинали ныть.

Он попробовал размять их рукой, но облегчения это не принесло.

Как раз в этот момент Инь Цюань запрыгнул на кровать и случайно наступил ему на руку.

Инь Цюань испугался и замер, не смея пошевелиться.

Но Линь Эру показалось, что сила нажатия как раз подходящая, и он сказал: Давай скорее, потопчи мне плечи.

Инь Цюань послушно запрыгнул на него своими маленькими лапками.

Он принялся легко подпрыгивать на плечах, и Линь Эру стало так хорошо, что он не удержался и добавил: Не останавливайся! Если поймаю на лени — ноги переломаяю!

Вскоре после этого Линь Эр провалился в сон...

Проснувшись среди ночи, он обнаружил, что Инь Цюань свернулся клубком у него на спине и спит. Неизвестно, как долго он топтался, видимо, утомился и уснул прямо так.

Сначала Линь Эр злился на него за то, что тот разбил семейную нефритовую статуэтку Гуаньинь, и жаждал мучить его, лишь бы выместить злость. Но теперь он не чувствовал к нему особой неприязни, просто привык по привычке задирать.

Сейчас, когда Инь Цюань крепко спал, у него не поднялась рука его будить.

Он легонько повел плечом, и Инь Цюань соскользнул набок, даже не проснувшись.

Линь Эр переложил его себе на грудь и укрыл одеялом.

Лисья шерсть была пушистой и мягкой, от неё исходил слабый аромат чернил.

Линь Эр зевнул, прижался подбородком к его макушке и снова уснул.

На следующее утро Инь Цюань, как обычно, был поднят Линь Эром на работу.

Инь Цюань уже почти привык: он мог зачерпывать бобы, даже не открывая глаз.

Иногда Линь Эр отправлялся в город, и Инь Цюань увязывался следом. Когда уставал идти, запрыгивал Линь Эру на плечо.

Пару раз Линь Эр прогонял его, но потом махнул рукой — делай что хочешь, только с одним условием: не воровать еду!

Жизнь текла впроголодь.

Однажды Инь Цюань выбрался погулять по деревне, а вернувшись, начал взахлеб рассказывать, у кого сколько кур, у кого сколько уток...

Линь Эр прикрикнул: Попробуешь хоть одну украсть — подвешу и высеку!

Инь Цюань лишь чмокнул губами: Тощие куры, одни кожа да кости, мне, бессмертному, такие и даром не нужны!

<http://bllate.org/book/27921/3383608>